

ГЛАВА 1

— Похоже, господа союзнички окончательно перестали быть таковыми, — генерал Парамонов встал с кресла и тяжело оперся руками о стол. — Им больше нравится быть нашими врагами, чем союзниками. Я имею в виду американцев.

В кабинете помимо самого генерала Парамонова присутствовали еще несколько высших чинов советского военного командования, а также разведки. Обсуждался очень серьезный вопрос, на который необходимо было найти такой же серьезный ответ. Причем — немедленно. Если промедлить, а тем более принять неправильное решение, последствия могли быть просто катастрофическими — вплоть до новой войны. Новая война никому не была нужна. Шел 1961 год, еще прекрасно помнилась предыдущая война, еще не были ликвидированы ее последствия, еще, образно выражаясь, не утихло эхо ее погибельных раскатов. И вот — на пороге угроза новой войны. На этот раз — с американцами.

Причем никто — ни Советский Союз, ни Соединенные Штаты, не желали этой войны, но она, тем не менее, близилась, будто какая-то

невидимая всемогущая сила стояла за обеими сторонами и настойчиво и целеустремленно подталкивала их к смертельной схватке. Которая, и это было вполне понятно, имела бы катастрофические последствия не только для Союза и Штатов, но и для всего мира.

— Так вот, — помолчав, продолжил генерал Парамонов. — Я говорю о Берлинской стене, будь она неладна. — Генерал поморщился и вытер лоб платком. — Все мы знаем, как господа американцы к ней относятся. Она для них будто кость в горле. — Генерал вышел из-за стола и прошелся по кабинету. — Они спят и видят, как бы ее разрушить! Как же! Того и гляди наступит крах мировой демократии, если стена будет стоять в целости и сохранности!

Генерал Парамонов усмехнулся, вернулся к столу, зачем-то переложил с места на место лежащие там бумаги, уселся в кресло и продолжил:

— Оно конечно — перебраться на другую сторону этой чертовой стены желающих хватает. Причем в основном туда, а не оттуда. Считается, что там лучше, чем здесь. И водка дешевле, и пряники слаще... — Генерал Парамонов еще раз оскалился в горькой усмешке. — Может, оно и так, а может, и не так — не нам судить. Это дело политиков. Наше дело — быть на страже и дать отпор неприятелю. Так вот, о неприятеле, то есть об американцах. Все вы знаете, что еще в августе господа американцы вплотную приблизились к стене. Пехота, танки, артиллерия — че-

го там только нет! Ну, не на прогулку же они вышли — понимать надо! И не на маневры. А чтобы разрушить Берлинскую стену... Разнести ее по камешкам! И расцветет тогда демократия на развалинах стены пышным цветом! Просто деваться будет некуда от всяких демократических свобод и вольностей!

Генерал взял со стола папку и раздраженно шмякнул ею о столешницу.

— Конечно, советское командование отреагировало на такие американские перемещения должным образом. Боевая техника была приведена в повышенную готовность, увольнение личного состава приостановлено... Все мы об этом знаем, и потому приводить подробности нет смысла. Но вот ведь какое дело... Сегодня 28 октября. А вчера господа американцы приняли новый демарш. Как вы знаете, по периметру стены имеется несколько контрольно-пропускных пунктов. Один из них называется «Чарли». Так вот: вчера к этому самому «Чарли» вплотную приблизилась колонна американской техники. Да притом какая — танки, оснащенные бульдозерным оборудованием! Вы когда-нибудь видали такое диво? А вдобавок к ним — обычные танки. И еще — всякая другая техника: джипы, грузовики... Понятно, что не пустые, а с солдатами.

После таких слов генерала Парамонова присутствующие зашевелились и зашущукались. Для них это было новостью.

— Да-да, товарищи! — мрачно произнес Парамонов. — Танки с бульдозерными ножами, крючьями и прочими приспособлениями... — Генерал неопределенно пошевелил пальцами в воздухе. — А теперь — вопрос: для чего, спрашивается, вся эта орава вплотную подошла к стене? Тут же вам и ответ: а для того, чтобы ее разрушить! Вот так — не больше и не меньше. Понятно, что наше командование тут же приняло ответные меры — направило к этому контрольно-пропускному пункту наши, советские, танки.

После таких слов генерала Парамонова шевеления и шумуканья усилились.

— Тише, товарищи, тише! — поднял руку генерал. — И вот теперь давайте представим ситуацию. И проанализируем ее. Итак, танки с одной стороны и танки с другой стороны. Стволы их пушек направлены друг на друга. А это означает лишь одно — в любой момент они могут выстрелить. Мы — по ним, они — по нам... А что это означает? — сам себе задал вопрос генерал, и сам же себе ответил: — А означает это вооруженный конфликт. Который, как мы понимаем, в любой момент может превратиться в полноценную войну. Вот что это означает!

В кабинете повисла напряженная тишина.

— А что, американцы еще не начали рушить стену? — спросил кто-то из присутствующих.

— По последним данным — нет, — ответил Парамонов. — Пока ведутся переговоры между

нашими и американскими властями. Но кто может знать, как они закончатся? Упрутся господа американцы, не захотят слушать разумных доводов, дадут команду своим бульдозерам, и начнется... Понятно, что мы не позволим им разрушать стену. А как это можно сделать? Только одним способом — стрельбой...

Генерал умолк и устало опустил в кресло. Чувствовалось, что он сказал еще далеко не все, главные его слова были впереди. И действительно, переведа дух, генерал продолжил:

— И ладно бы одна небольшая группка бульдозеров и танков! Это было бы еще полбеды! Но наша разведка донесла, что за спиной этих чертовых бульдозеров стоят значительные американские вооруженные силы. И не где-нибудь в отдаленности, а в самом Западном Берлине. Много войск... Все прибывают и прибывают. Вы понимаете, что это значит?

— Каким путем они прибывают в Западный Берлин? — спросил кто-то из присутствующих.

— В основном по воздуху, — ответил генерал Парамонов. — Самолетами... В зоне американской оккупации есть такой аэродром, называется Темпельхоф. Единственный на сегодняшний день, который может принимать военные самолеты. Вот туда они и прибывают. Высаживаются и ждут команды. И, между прочим, это не так далеко от Западного Берлина. Всего один хороший марш-бросок... Понятно, что этого допустить никак нельзя. Чем больше будет прибы-

вать американских войск, тем вероятнее столкновение между ними и нашими войсками. А там и до полноценной войны недалеко.

— Вы говорите, что этот аэродром — единственный вблизи Западного Берлина, который принимает военные самолеты? — прозвучал вопрос.

— Именно так, — подтвердил генерал Парамонов.

— Ну так нужно его блокировать, — сказал тот же самый голос. — Чтобы у американцев не было возможности сажать свои самолеты. Ситуация — классическая.

— Правильно мыслите, — одобрил генерал. — Именно так — блокировать. Да только вот какая незадача! Блокировать аэродром можно лишь одним способом — послать туда наши боевые самолеты. Но американские самолеты уже на подлете, а наших там еще нет. Нам еще лететь туда и лететь. Вот ведь какое дело!

— И сколько времени необходимо нашим «МИГам» добраться до Темпельхофа?

— Примерно пять, а то и все десять часов, — досадно поморщился генерал. Плюс время на сборы. Добавьте сюда время на согласование с высшим руководством страны. Сколько на это понадобится времени, не знает никто. Даже само высшее руководство. Потому как — политика...

— А американские самолеты все прибывают и прибывают, — безрадостно констатировали сразу несколько голосов.

— Вот именно, — тем же безрадостным голосом подтвердил генерал.

— Так что же делать? — спросили у генерала.

— Уже делаем, — ответил Парамонов. — Действуем. На то мы и спецназ КГБ, чтобы предвидеть события. Несколько дней назад к месту событий была заслана спецгруппа «Дон». Вчера они радировали, что добрались до места и приступили к выполнению задания. Задание у них такое. Во-первых, лишить американцев связи. Нет связи — нет нормального передвижения войск. Во-вторых, захватить аэродром Темпельхоф и удерживать его до прибытия наших самолетов. Не позволить, то есть, американским самолетам приземлиться. В-третьих... — Генерал немного помолчал. — В-третьих — незаметно проникнуть в восточную зону. По данным нашей разведки, там действует группа американского спецназа. Ее задача — похитить председателя Государственного совета ГДР Вальтера Ульбрихта. Или убрать его физически, если похищение по какой-то причине не получится...

— Ничего себе! — возмутились собравшиеся.

— Да-да, — подтвердил генерал. — Похитить или ликвидировать. Зачем — понятно. В правительстве ГДР возникнет неразбериха и хаос, да и наша власть крепко призадумается, стараясь определиться, что же делать дальше. В результате инициатива перейдет к противнику. Ну, а где инициатива, там зачастую и победа. Это, товарищи, азы, которые всем нам хорошо известны.

Так вот: задача группы — не допустить похищения, а тем более — ликвидации Вальтера Ульбрихта.

— Ничего себе! — повторил тот же самый голос. — Не много ли заданий для одной группы? Ведь их там, я думаю, всего несколько человек!

— Ну, мы ведь — спецназ КГБ! — Генерал Парамонов многозначительно улыбнулся. — Так сказать, воюем не числом, а умением. А кроме того, здесь присутствует еще и политический момент. Действовать группа будет на территории другого государства! Целую армию или хотя бы даже один батальон туда не пошлешь. Значит, нужно действовать тихо и незаметно. Оттого мы и отправили туда небольшую спецгруппу. Ничего! Ребята там толковые, каждый стоит целого полка! Так что — справятся. Не впервой!

Генерал умолк, опять встал из-за стола и задумчиво прошелся по кабинету. Все присутствующие молчали. Ждали, что дальше будет говорить начальство. Наконец генерал подытожил:

— А собрал я вас вот для чего. Вы — высшее руководство спецназа КГБ. Значит, должны быть в курсе. Это — во-первых. Во-вторых, все мы должны быть готовы к немедленным действиям. Неизвестно, как сложится ситуация. Может завариться каша еще гуще той, которая варится сейчас у Берлинской стены. С канонадами, фейерверками и прочими радостями. А потому — вот мой приказ. Отпуска, выходные и всякие такие походы по театрам — отменяют-

УЛЬГИМАТУМ КРУПНОГО КАЛИБРА

ся. Всем находиться на служебных местах денно и ночью в полной боевой готовности. И — ждать дальнейших распоряжений. Прошу довести приказ до всех подчиненных и проконтролировать его исполнение. Всем ясно?

— Так точно! — вразной ответили голоса.

— Тогда — по местам! — хлопнул ладонью по столу генерал Парамонов.

ГЛАВА 2

За три дня до этого совещания спецгруппу «Дон» подняли по тревоге. Случилось это ранним утром, еще и рассвет не успел войти в свои права. Капитан Вячеслав Богданов, командир группы, находился в это время дома и досматривал утренние сны рядом с супругой.

— Слушаю, — сонным голосом произнес он в телефонную трубку.

— Капитан Богданов? — уточнили на том конце провода.

Голос был настолько четким и официальным, что у Богданова моментально исчезли все остатки сна. Богданов был человеком опытным и знал, что если с ним говорят таким голосом, значит, дело серьезное. Может даже — полноценная боевая тревога. Так оно и оказалось.

— Так точно, — ответил Богданов.

— Приказ генерала Парамонова — через час быть у него! — отчеканил голос в трубке.

— Мне одному или всей группе? — уточнил Богданов.

— Всем, — коротко ответил голос и отключился.

— М-да, — сам себе сказал Богданов, и в этом коротком междометии таилась и попытка сообразить, для чего он, Богданов, понадобился генералу Парамонову в столь ранний час, и готовность действовать, и много чего еще.

Конечно, жена тоже проснулась. В ее взгляде таились: и бездна вопросов, и обеспокоенность, и готовность немедленно помочь... Не было в нем лишь злости и неудовольствия. За годы совместной жизни она привыкла к таким вот внезапным, вселяющим подспудную тревогу звонкам. Впрочем, иногда это были не звонки, а шаги за дверью, а вслед за ними — четкий, отрывистый, требовательный стук в дверь. Все было... А негодовать и сердиться — к чему? Ее муж был спецназовцем КГБ, такая у него была работа. Как говорится, знала, за кого шла замуж.

— Приказано через час быть у командования, — коротко взглянув на жену, сказал Богданов. — Всем составом.

— Значит, дело серьезное, — сказала жена. — Иначе тебя бы вызвали одного.

— Может, так, а может, и не так, — пожал плечами Богданов. — Просто проверяют боеготовность. Мы ведь — при погонах. Вот вернусь от генерала и все тебе расскажу. То есть, конечно, не все, а то, что полагается знать жене спецназовца, — улыбнулся Богданов.

— Ты бы хоть позавтракал, — жена погладила его по щеке. — А то ведь так и умчишься в дальние дали с пустым желудком.

— Какое там! — замахал руками Богданов. — Слышала же — через час быть у генерала! Значит, времени в обрез.

Он подошел к телефону и набрал номер своего помощника — Александра Дубко.

— Спишь?

— Представь себе — проснулся ровно за минуту до твоего звонка! — ответил Дубко. — Будто чувствовал, что ты позвонишь! Должно быть, интуиция.

— Интуиция — это хорошо, — сказал Богданов. — Для нашего брата штука очень полезная. В общем, так. Наша машина при тебе?

— При мне, — сказал Дубко.

— Тогда седлай ее немедленно и мчись по адресам всех наших. Тебе они известны. Ровно через пятьдесят три минуты всем быть у генерала Парамонова. За мной заезжать не надо, я доберусь своим ходом. Здесь недалеко. Приказ ясен?

— Еще как ясен! — ответил Дубко, не удержался и присвистнул: — Похоже, предстоит командировочка!

— А вот свистеть будем потом, — сказал Богданов. — Когда побываем у генерала. И свистеть, и смеяться, и, может быть, даже рыдать.

— Рыдать — это упаси и помилуй! — сказал Дубко. — Пускай рыдают наши враги! — И трубка умолкла.

* * *

В приемную генерала Богданов прибыл первым. До встречи оставалось еще двенадцать минут. Богданов сел на стул, надвинул на глаза фуражку и принялся ждать своих подчиненных. Вскоре прибыли и они — все шесть человек. Таков был состав спецгруппы «Дон» — семеро вместе с самим Богдановым.

В кабинет к генералу вошли вовремя — минута в минуту.

— Командир спецподразделения «Дон» капитан Богданов! — Командир поднес руку к козырьку.

— Представьте ваших подчиненных, — сказал генерал Парамонов.

— Капитан Дубко, мой заместитель, — откомендовал Богданов. — Капитан Павленко. Лейтенант Муромцев — специалист по сигнализации и всему, что связано с электричеством. Старшина Рябов, снайпер. Старший сержант Терко. Сержант Еремин. Специалисты широкого профиля. — Богданов едва заметно улыбнулся.

Генерал подошел к каждому из бойцов и пожал руки.

— Значит, вы и есть спецгруппа «Дон»? — спросил он.

— Так точно! — ответил Богданов.

— Наслышан я о ваших подвигах, — сказал генерал. — Но — видимся впервые. Все вы —

люди опытные, обстрелянные, побывавшие в разных переделках...

— Не все, — сказал Богданов. — Есть у нас новичок — лейтенант Муромцев. Зачислен в группу недавно, после окончания училища.

— Вот как, — сказал генерал Парамонов. — Зачислен в группу недавно... Тогда, может быть, обойдемся без него? Что скажешь, командир? — глянул генерал на Богданова.

— Не понял... — удивленно произнес Богданов. — Это почему же без него?

— Потому что задание, которое я хочу вам поручить, очень серьезное и ответственное, — пояснил генерал. — Просто крайняя степень ответственности и серьезности! А потому нужны люди опытные. Такие, чтобы не подкачали в любой ситуации.

— Я ручаюсь за каждого из моих подчиненных! — отчеканил Богданов, помолчал и добавил: — Мы — спецназ КГБ. У нас случайных людей не бывает. К тому же лейтенант Муромцев знает несколько иностранных языков.

— Вот как? — удивился генерал и взглянул на Муромцева. — И какие же именно?

— Английский, немецкий, отчасти французский, — ответил Муромцев. — В свободное время изучаю испанский и турецкий.

— Вот! — с гордостью произнес Богданов. — У нас все люди — один к одному. Как патроны в обойме.

— Что ж, хорошо, — сказал генерал. — Именно такие слова я и хотел услышать. Тогда поговорим о вашем задании. Прошу всех садиться, разговор будет долгим. Что такое Берлинская стена, слышали?

— Так точно, — ответил за всех Богданов.

— А какое она имеет политическое значение, знаете? — спросил генерал.

— Знаем, — ответил Богданов.

— Ну, а что творится в последнее время вокруг стены, слышали?

— В общих чертах.

— В общих чертах — это хорошо, — сказал генерал Парамонов. — Значит, политинформацию я вам читать не буду, сразу приступим к частностям. В последнее время ситуация вокруг стены обострилась. Крайне обострилась! — Генерал поднял палец, будто грозя кому-то невидимому. — Наши бывшие союзники американцы очень хотят разрушить стену. Разнести по камешкам и кирпичикам! Причем — немедленно. По их заверениям — во имя спасения свободы и демократии. — Генерал Парамонов усмехнулся, но тут же стал серьезен. — Имеются соответствующие данные нашей разведки...

— Они что же, хотят ее взорвать? — спросил Богданов.

— Думаю, что нет, — сказал генерал. — Взрыв — дело опасное. Могут быть непредсказуемые жертвы, а это — вызовет нежелательный политический резонанс. Вот, начнут говорить,

американцы убили безвинных людей... Поэтому, думаю, они поступят иначе. Например, попытаются снести стену бульдозерами. Наша разведка придерживается такого же мнения. Буквально вчера разведчики ознакомили нас с соответствующей информацией...

— Мне кажется, довольно ненадежный способ — разрушить стену бульдозерами, — пожал плечами капитан Павленко. — Кто ж их подпустит к стене, эти бульдозеры? Кто им позволит такое безобразие?

Разговор между генералом Парамоновым и спецгруппой «Дон» происходил в полном соответствии с давними традициями, сложившимися в спецназе КГБ. Во время обсуждения какого-либо задания не было ни начальников, ни починенных — все говорили на равных, каждый имел право голоса и мог высказывать любое мнение. Это уже потом, когда все вопросы выяснены, старший по должности отдавал соответствующий приказ, и тут уже не было никакого равноправия. Начальник — приказывал, а подчиненные — обязаны были выполнить приказ.

— Конечно, никто не подпустит, и никто не позволит, — согласился генерал. — Но это — если бульдозеры подойдут к стене без всякой защиты. А вот если они подойдут в сопровождении танков и солдат — тут уж совсем другое дело. Кстати, так они и собираются поступить.

— А что, неплохо придумано, — усмехнулся Павленко. — Попробуй-ка их отгони, если вслед за ними прутся танки!

— Вот именно, — сказал генерал. — В ответ нашим командованием принято решение также направить к Берлинской стене танки. Вот как только к месту приблизятся американские танки, тут же туда выдвинутся и наши. Вы понимаете, что это значит?

— Что уж тут непонятного! — вздохнул Богданов. — Все тут понятно, как дважды два. Они — с той стороны стены, мы — с этой. Они будут ждать, что мы в них выстрелим первыми, мы — что первыми выстрелят они... И не дай бог, у кого-то не выдержат нервы...

— То-то и оно, — вздохнул генерал. — Ведь это же — прелюдия к провокации! За которой последует полноценная война. На этот раз — с американцами. А мы еще не опомнились как следует от минувшей войны. Да и вообще — не нужна нам война. Нам нужен мир. А вот американцам, похоже, наоборот. Потому что танки — это еще не все. Еще они подтягивают к стене дополнительные силы. Большие силы! Перебрасывают их аж из самой Америки! Ежедневно.

— Это каким же образом? — спросил Дубко. — Америка далековато...

— Если самолетами — то не так она и далеко, — возразил генерал Парамонов. — А они так и делают. Недалеко от Берлина, в зоне американской оккупации, имеется аэродром Темпель-

хоф. Единственный, который может принимать военные самолеты, в том числе и транспортные — с людьми и техникой на борту. Вот туда американцы и доставляют живую силу и технику. Спрашивается — зачем? А затем, чтобы в любой момент начать боевые действия! Против кого — понятно тоже. Против нас. Вернее сказать, против Германской Демократической Республики, но это все равно что против нас. Вот такой получается расклад сил на данный момент. А завтра может случиться война. Которую мы должны не допустить в любом случае. Затем я вас всех к себе и вызвал.

Генерал умолк, задумчиво прошелся по кабинету, вернулся к столу, переставил с места на место чернильные приборы, опять прошелся по кабинету... Спецгруппа «Дон» молча наблюдала за движениями генерала. Все понимали, что генерал думает, а после размышлений, скорее всего, последует приказ. Так и вышло.

— А теперь я сообщу вам, для чего именно я вас вызвал. Со всеми подробностями. Вам нужно будет отправиться на место событий. Да-да, к самой Берлинской стене. Причем не с нашей стороны, а с противоположной. Но не только к ней. Ваша миссия будет гораздо шире. Во-первых, проникнуть на аэродром Темпельхоф и сделать все, чтобы он не мог больше принимать американские самолеты. Конечно, американцы, а с ними и западные немцы, попытаются исправить ситуацию. Для них Темпельхоф — важней-

ший стратегический объект. Куда еще они будут сажать свои самолеты? Некуда им больше сажать... Так вот: американцы с немцами попытаются выбить вас с аэродрома — любыми способами. А вы должны его удержать. Держать и держать, пока над аэродромом не появятся наши истребители. Когда они появятся? Не знаю! Сами понимаете — на это нужно время. Пока пилоты соберутся, пока долетят... А самое главное — на это нужен соответствующий приказ. А такой приказ должен поступить оттуда. — Генерал указал пальцем вверх. — А там торопиться не любят. Пока посоветуются, пока примут решение... А иначе — никак, сами должны понимать. Речь-то идет о возможной войне, и тут ошибиться нельзя. В общем, вы должны нарушить работу аэропорта и удерживать его до прибытия нашей авиации.

— Да, но у американцев и без того хватает сил, — возразил Богданов. — Сами же говорите — они все прибывают и прибывают. Допустим, их самолеты не смогут садиться на аэродром, развернутся и улетят обратно. Ну, так американцы могут начать войну и без самолетов. Например, двинуть на нас танки и пехоту... Да и артиллерии, думается, у них хватает. Поступит команда — и начнется...

— Вот! — поднял палец генерал Парамонов. — Мыслите правильно! Как говорится, зрите в самый корень! Могут, конечно, начать и без авиации — если уж так им приспичит. Вы правы,

сил у них хватает. Но! Много ли навоюешь без авиации? То-то и оно! Поэтому, если у них не будет самолетов, то и воевать они не рискнут. Но это еще не все... Современная война — это еще и связь. Не будет связи между командованием и войсками — какая уж тут война? А отсюда — следующее задание для вашей группы. Вам нужно будет во что бы то ни стало вывести из строя их связь и системы слежения. Как? Не знаю! Разберетесь на месте, на то вы и спецназ КГБ!

— Это все? — коротко поинтересовался Богданов.

— Если бы! — вздохнул генерал Парамонов. — Самое сладкое блюдо я приберег напоследок...

— Как всегда, — скупно улыбнулся Богданов.

— Что ж поделать, коль так получается, — развел руками генерал. — А блюдо вот какое... Такое имя — Вальтер Ульбрихт — вам что-нибудь говорит?

— Как же, — улыбнулся на этот раз Дубко. — В свободное от дегустации сладких блюд время мы и газеты почитываем! Вальтер Ульбрихт — это глава ГДР. Я не ошибся?

— Не ошиблись, — сказал генерал Парамонов. — Так вот, Вальтер Ульбрихт... Наша разведка в Германии раздобыла очень любопытные сведения... Вроде бы как товарища Ульбрихта в ближайшее время собираются похитить. Или даже — устранить физически. Правда, сведения эти предположительны и неточны, но, согласи-

тес, мы должны их учитывать. Вы догадываетесь, кто собирается разобраться с товарищем Вальтером Ульбрихтом?

— Догадываемся, — сказал Богданов. — Но похищение или устранение первого лица государства — дело очень даже непростое. Тут надо много чего предусмотреть и очень тщательно подготовиться. Что там говорит разведка? На какой стадии находится подготовка?

— Думаю, что на самой последней, — сказал генерал. — Ну, или в крайнем случае на предпоследней. Есть основания предполагать, что в ГДР уже заброшена группа американского спецназа с соответствующим заданием. Опять же, эти сведения не точны, но других пока нет.

— И, конечно же, ничего нет о составе группы, путях их подхода и отхода, месте, где они намерены прятать похищенного... — задумчиво, как бы самому себе, произнес Богданов.

На это генерал ничего не сказал, лишь развел руками.

— А что, интересная задумка у товарищей американцев! — произнес молчавший до сей поры Терко. — Похитить главу государства! Пока восточные немцы разберутся, что к чему, пока поймут, что глава их государства похищен или ликвидирован, а не, допустим, отбыл на рыбалку, тут-то американцы и ударят! Ударят, а главнокомандующего-то и нет! Власть — в смятении, войска — не знают, что делать... Будь я на месте американцев, я поступил бы именно так!

Все присутствующие, в том числе и генерал Парамонов, зашевелились и заулыбались от такой бесхитростной шутки. Богданов спросил:

— Насколько я понимаю, нам предстоит убежать товарища Вальтера Ульбрихта от похищения или ликвидации?

— Правильно понимаете, — подтвердил генерал.

— Да, но у них есть и свои спецслужбы, — с некоторым недоумением произнес Богданов. — Плюс личная охрана. Неужто они не справятся без нас?

— Есть-то они есть, — почесал затылок генерал. — Да вот только... Наши разведчики предполагают, что в окружение Ульбрихта затесались несколько американских агентов. В правительстве они или в личной охране — про то нам неизвестно. А скорее всего, что и в правительстве, и в охране. И если это в самом деле так, то... — Генерал не договорил, да в этом, собственно, и не было необходимости. Потому что и без лишних слов все было понятно: коль в ближайшем окружении главы Восточной Германии имеются американские агенты, они и поспособствуют похищению. А иначе — для чего они там нужны?

— Но, — недоуменно шевельнулся Павленко, — для чего же в этом случае нам совершать столь сложное путешествие? Добираться окружными путями до Берлинской стены, чтобы перейти оттуда в восточную часть Берлина... Не понимаю. Не лучше ли отправиться в Восточный Берлин напрямую — через ГДР?

— Не лучше, — возразил генерал Парамонов. — Совсем даже не лучше... Вы забыли, что в окружении Вальтера Ульбрихта, скорее всего, действуют вражеские агенты. А тут вы — прямоком из Москвы! Слышали такое выражение — «шито белыми нитками»? Вот это оно и есть. То есть очень даже не исключено, что вас тотчас же разоблачат. А если так, то американцы будут действовать гораздо утонченнее и коварнее — кто их знает... А то и вовсе убьют товарища Ульбрихта — причем в кратчайшее время. Потому что уж коль вы прибыли выручать его из самой Москвы, то, понятное дело, тут надо поторопиться... Нет, тут нам нужно действовать тайно. А тайно — это перебраться в Восточный Берлин из западной его части. Мало ли кто там шастает — туда и обратно? Ну а дальше — по обстановке. Тем более что других задач никто с вас не снимал. Я понятно изъяснился, или будут возражения?

— Понятно, — сказал за всех Богданов.

— Вот и отлично! — выдохнул генерал Парамонов.

— Как мы попадем на место? — спросил Дубко.

— Самый надежный способ — самолет, — сказал генерал. — Главное, что это быстро. Медлить нам нельзя, сами понимаете. Ситуация такая, что... — Он махнул рукой. — В общем, непредсказуемая ситуация. Сейчас вы все отправитесь к моему заместителю, полковнику Мостовому. Он подробно введет вас в курс дела.

И насчет переброски в Германию, и насчет всего остального. А теперь — приказ.

Все семеро спецназовцев вскочили с места и встали по стойке смирно.

— Приказываю по мере готовности отбыть к месту проведения спецоперации! — четко произнес генерал Парамонов. — Ваша задача была вам разъяснена в ходе предварительного разговора. Приказ ясен?

— Так точно! — ответил за всех капитан Богданов.

— Дополнительные вопросы имеются?

— Никак нет! — ответил Богданов.

— Тогда вот что еще, — совсем уже не приказным тоном произнес генерал. — Никаких четких инструкций ни я, ни полковник Мостовой вам дать не можем. Будете действовать по обстоятельствам. Ну, и самое главное: возвращайтесь живыми и по возможности целыми.

На это ни Богданов, ни остальные спецназовцы не сказали ничего. Да и что тут было говорить? Приказ ясен: действовать по обстоятельствам, по возможности вернуться живыми и целыми. Всё как всегда.

* * *

...— Вот, Лизонька, отбываю, — сказал Богданов жене. — В небольшую командировочку. Да ты не переживай! Через три-четыре дня вернусь. В крайнем случае, через недельку. В целости и сохранности.

Елизавета ничего не сказала мужу. Слова, которые он произнес, были ей знакомы от первой до последней буквы. Такие слова муж говорил ей всегда перед тем, как отбыть на какое-нибудь задание. Что это было за задание, в каких краях, насколько оно было опасно — ничего этого Елизавета, конечно же, не знала, потому что ни в какие подробности муж ее никогда не посвящал. А просто говорил, что отбывает, и называл сроки возвращения. Конечно, эти сроки никогда не соответствовали, Богданов почти всегда возвращался позднее, чем обещал, но и к этому Елизавета давно уже привыкла. Единственное, к чему она не могла, да и не пыталась, привыкнуть — это к мыслям о том, что когда-нибудь может случиться такое, что ее муж не вернется из очередной своей командировки, навсегда останется в каком-нибудь неведомом ей месте, и попробуй еще доберись до того места, чтобы возложить цветы на холмик! А то, может, и холмика-то никакого не будет, ничего не будет, кроме скурых рассказов тех, кто был с мужем рядом в его последние минуты...

Но — пока Богданов хоть и с опозданиями, но исправно возвращался. Иногда — целый и невредимый, иногда — со ссадинами и царапинами, а то, бывало, и с настоящими ранами. Но, опять же, он ни разу не сказал жене, где, от кого и при каких обстоятельствах он получил эти ссадины, царапины и раны, и лишь отшучивался в ответ на все расспросы жены: «Вот, мол,

ехал я лесом верхом на коне, тут-то меня и царапнуло веткой!» Елизавета лишь грустно улыбалась в ответ и принималась за привычное дело — лечить мужу ссадины, царапины, а бывало, что даже и настоящие раны.

— И когда вы отбываете, товарищ капитан? — спросила она мужа.

— На все про все дан ровно час, — ответил Богданов. — На сборы, прощальные слова и на прочее...

— Как обычно, — грустно подытожила Елизавета.

— А то как же, — согласился Богданов. — Только так, и никак иначе.

ГЛАВА 3

Вначале все спецподразделение «Дон» советским военно-транспортным самолетом доставили в Белград. Оттуда все семеро спецназовцев должны были обычным пассажирским самолетом добраться до одного из немногих аэропортов Западной Германии — Тегеля, расположенного во французской оккупационной зоне и принимавшего гражданские самолеты. Вылететь напрямую из Советского Союза в Тегель было рискованно — пассажиры, прибывшие из Советского Союза, проверялись особенно тщательно. А значит, группу «Дон» могли ненароком разоблачить. Чего, конечно, никак нельзя было допустить. Поэтому нужно было постараться избежать даже самого минимального риска. Оттого спецназовцы и прибыли в Белград.

Конечно, они были без оружия и одеты в обычную гражданскую одежду. Все — и другую одежду, и оружие, и спецснаряжение — они должны были получить на месте, то есть добравшись до Темпельхофа. Таков был план.

Оказавшись в Белграде, Богданов с подчиненными сразу же пошли по известному им адресу.

Этот адрес еще в Москве назвал им полковник Мостовой, когда обговаривал нюансы операции в Западной Германии. По этому адресу находилась резидентура советской разведки. Здесь группе «Дон» ждали. Накануне из Москвы пришла зашифрованная радиограмма о прибытии семерых спецназовцев и распоряжение о том, что группе необходимо оказать всяческое содействие.

Адрес спецназовцы нашли быстро, они прекрасно умели ориентироваться в любом городе, даже совсем для них незнакомом. Это был типичный для белградских окраин двухэтажный особняк, ничем не отличавшийся от сотен других таких же особняков.

Богданов позвонил в старомодный колокольчик, висевший на двери. Вскоре на крыльцо вышел мужчина средних лет, молча окинул взглядом всю группу, а затем с вежливой полуулыбкой взглянул на Богданова.

— Странная погода у вас в Белграде, — сказал Богданов мужчине. — Не понять, то ли осень, то ли весна.

— А вы побывайте у нас зимой! — ответил мужчина. — Вот где неразбериха! Утром — солнце, вечером — снег.

Это были пароль и отзыв. Их Богданову и остальным спецназовцам сообщил полковник Мостовой.

— Проходите, — сказал мужчина, обращаясь ко всем одновременно, и отступил в сторону, давая возможность гостям войти в дверь.

Бойцы очутились в просторной полутемной комнате, напоминающей одновременно и гостиную, и старорежимную, дореволюционных времен, приемную какого-то вельможи. Их встретила молодая светловолосая женщина и молча кивнула им головой. Богданов кивнул в ответ и едва заметно улыбнулся. С женщинами, кем бы они ни были, он не мог здороваться без улыбки. Такая у него была привычка.

— Можете называть меня Радованом, — произнес мужской голос за спиной спецназовцев. — А ее — Миланой.

— Ну, а мы представляться не будем. — Богданов опять улыбнулся. — Уж извините...

— Я понимаю, — сказал мужчина, помолчал и добавил: — Вчера нам сообщили о вас из центра и велели оказывать вам всяческое содействие. Говорите, что вам надо.

— Не так уж и много, — сказал Богданов. — Во-первых, переместиться из Белграда в Тегель. Это — Германия, зона французской оккупации. Там есть аэродром, который принимает гражданские самолеты...

— Мы знаем, — сказал мужчина, представившийся Радованом.

— Отлично, — сказал Богданов. — И сделать это нужно как можно скорее.

— Переправить нужно вас всех? — спросил Радован.

— Да, — ответил Богданов.

— Понятно. Документы прикрытия у вас имеются?

— В Москве нам сказали, что этим займетесь вы, — ответил Богданов.

— Да, мы получили такое распоряжение, — сказал Радован. — Остается придумать легенду и в соответствии с легендой изготовить документы.

— Тогда давайте думать, — сказал Богданов.

— Это — к ней. — Радован указал на женщину.

— Ну, к ней так к ней, — развел руками Богданов и посмотрел на женщину: — Вы говорили, что вас зовут Милана?

— Да, — коротко ответила женщина.

— Тогда, Миланочка, изобретайте нам легенду. И чем скорее, тем лучше. Мы, видите ли, очень торопимся. Кстати, сколько времени займет изготовление документов?

— К вечеру будут готовы, — сказала женщина.

— Что, на всех семерых? — не поверил Дубко.

— Именно так.

— Превосходно, — сказал Богданов. — Тогда — вернемся к легенде.

— Легенда такова, — сказала Милана. — Вы все — югославы. Сербы. Вы летите в Германию на заработки. Сейчас многие югославы стремятся попасть в Западную Германию, чтобы заработать. Так что ваше появление там никого особо не заинтересует...

— А что же, в Югославии для всех не хватает работы? — поинтересовался Терко.

— Хватает, — ответила Милана. — Но в Западной Германии платят больше.

— Это почему же так? — удивился Терко.

— Об этом можете спросить у политиков. Если, конечно, представится такой случай. — Женщина чуть заметно улыбнулась. — А мы — не политики...

— Обязательно спрошу! — самым решительным тоном пообещал Терко. — И непременно сообщу вам их ответ. Чтобы и вы тоже знали!

— Договорились. — Милана улыбнулась чуть заметнее и взглянула на Богданова. — А теперь нам нужно придумать для каждого из вас сербские имена и фамилии. И, разумеется, накрепко их запомнить.

— Но только, пожалуйста, что-нибудь попроще! — сказал Терко. — А то ведь не запомню! Конфуз получится. Нежелательные последствия. Например, как в прошлый раз. Назвали меня таким имечком, что не выговорить! Ахмед Сулейман Ибрагим-бек ибн... Ты не помнишь, как было дальше? — Он повернулся к молчаливо сидевшему на стуле Дмитрию Еремину. — Вот и я не помню! Хорошо, что никто тогда не спросил, как меня зовут! А если бы спросили? Так что, барышня, вы там поаккуратней...

После таких слов все присутствующие, включая Радована и Милану, зашевелились, заулыбались и вообще почувствовали себя свободнее.

— Обязательно учту ваше пожелание и дам вам самое простое имя, — пообещала Милана. — Скажем, Вук Илич вас устроит?

— Ну, это совсем другое дело! — радостным голосом ответил Терко. — Это я запомню! А то Ахмед Ибрагим Сулейман ибн... Я — человек бесхитростный, мне что-нибудь попроще...

— Почему именно сербы? — спросил Богданов, когда всеобщее веселье утихло.

— Сербский язык отчасти похож на русский, — пояснила Милана. — Те, кто не знает ни сербского, ни русского языка, так вот запросто их и не отличат. Так что, попав в Германию, вы сможете общаться на русском языке. Лучше все же — короткими фразами. На всякий случай. А то вдруг рядом с вами окажется какой-нибудь полиглот!

— Вполне разумно, — одобрил Павленко.

— Теперь вот что еще, — вступил в разговор Радован. — Одежда-то на всех вас — явно советского производства и покроя...

— И что же? — недоуменно посмотрел на Радована Богданов.

— Откуда все семеро югославы взяли советскую одежду? И почему именно советскую? Ладно бы кто-то один, а то вся компания! Как-то подозрительно...

— А ведь и вправду! — хлопнул себя по лбу Богданов. — Вот что бывает, когда собираешься в спешке! Обязательно чего-нибудь не учтешь! Благодарю за то, что обратили внимание. Но как же быть?

— Переодеться в костюмы югославских пролетариев и крестьян, — пожал плечами Радован. — Только и всего.

— Да, но...

— На втором этаже у нас имеется небольшая костюмерная, — сказал Радован. — Ступайте за мной. Там вы можете подобрать себе что-нибудь подходящее.

— А вы здесь, оказывается, предусмотрительные! — одобрительно произнес Дубко.

— Думаю, что не более, чем вы, — сухо произнес Радован. — Итак, переодевайтесь и спускайтесь вниз. Милана вас сфотографирует. Фото нужны для документов.

Через полчаса все семеро спецназовцев, одетые в одежду югославских пролетариев и крестьян, спустились на первый этаж. Новая одежда удивительно их преобразила. Теперь, даже пристально всмотревшись, никто бы не отличил их от типичных горожан и селян, вынужденных искать заработок на чужбине. Впрочем, дело было не только в одежде, но большей частью — в самих бойцах. Все они были профессионалы своего дела и потому умели преобразаться, менять внешний вид, выражение лиц и даже выражение глаз, по-новому ходить и жестикулировать — в общем, превращаться в других людей, почти никак не похожих на себя самих. И Радован, и Милана, конечно же, обратили внимание на смену облика всей семерки и одобрительно переглянулись между собой.

— Ну а теперь Милана вас сфотографирует и на какое-то время отлучится, — сказал Радован. — И к вечеру вернется с готовыми докумен-

тами. Вам придется подождать ее здесь. Думаю, не в ваших интересах разгуливать по улицам Белграда. Даже в преображенном виде.

— Вы правы, — согласился Богданов.

— Тогда — прошу пройти вот туда. — Радован указал на одну из боковых комнат. — Там у нас что-то вроде комнаты отдыха. К вашим услугам — бар с местными горячительными напитками. Правда, выбор не такой большой, но, как говорится, чем богаты.

— О нет! — замахал руками Богданов и рассмеялся: — Такие удовольствия — не для нас!

— Ну, как вам будет угодно, — согласился Радован.

Ближе к вечеру вернулась Милана.

— Вот ваши документы, — сказала она, доставая из сумочки бумаги. — Прошу. Советую накрепко запомнить ваши новые имена.

Гости разобрали документы и с любопытством принялись вчитываться в свои новые имена.

— Вук Илич, — сказал Степан Терко. — Как и было обещано. О-хо-хо!.. Сколько их у меня было — всяких разных имен! Вот состарюсь, напишу интересную книжку под названием «Сколько у меня было имен и зачем мне они были нужны». Как ты думаешь, — обратился он к Еремину, — будут люди читать мою книжку?

— Ты сначала доживи до старости, — сказал Еремин.

— Что да, то да, — согласился Терко. — При моей специальности это вопрос проблематичный. Ох, и вредная у меня работа! До полной ужасности!

— Вот — ваши билеты на самолет, — подождав, пока утихнет смех, сказал Радован Богданову. Самолет в Тегель вылетает через три с половиной часа. Добираться до белградского аэродрома — примерно полтора часа. Это — если своим ходом. Конечно, мы могли бы вас подбросить на машине...

— На машине — не надо! — замахал руками Богданов. — Что это за безработные, которые разъезжают на машине? Ведь, наверно, дорого?

— Дорого, — подтвердил Радован.

— Ну, вот... А своим ходом — это как? Пешком?

— Необязательно, — сказал Радован. — Наймите повозку с лошастью. Их в городе хватает. Это намного дешевле.

— Лошадь — это то, что надо, — улыбнулся Павленко. — Самый подходящий транспорт для безработных пролетариев и крестьян.

— Ну, тогда в путь! — сказал Богданов.

Шестеро спецназовцев тотчас же поднялись с мест. Их веселой развязности и вальяжности как не бывало. Сейчас это были люди, отправляющиеся выполнять опасное и рискованное дело. Все они были уверены, что выполнят задание — каким бы опасным оно ни было. Вы-

полнят — даже если оно будет последним в их жизни.

— Удачи вам, — сказал Радован.

— Счастливо, — добавила Милана.

— Спасибо, — ответил за всех Богданов.

Семеро мужчин молча повернулись и друг за другом направились к выходу. Последним шел Степан Терко. У самого выхода он вдруг остановился и посмотрел на Милану. На его лице вновь засветилась озорная улыбка.

— Как говорится, вопрос у порога, — сказал он. — Вы замужем?

— Зачем вам это знать? — с некоторым замешательством произнесла Милана. Она явно не ожидала такого вопроса. Тем более — на прощание.

— Значит, не замужем, — все так же весело сказал Терко. — И это замечательно. Вот сделаю дело и обязательно вернусь к вам. И тогда мы поговорим с вами на эту тему подробнее. — Он помолчал и добавил: — Я бы, конечно, поговорил и сейчас, потому что уж больно вы мне понравились! Прямо-таки легли на мое суровое истерзанное сердце! Но сейчас мне, как видите, некогда. Надо идти, потом ехать на лошади, потом лететь на самолете... А вот когда я вернусь... Вы, главное, меня ждите. А тебе, мил-человек, будет на этот счет особое поручение. А именно — следи, чтобы она тут не разбаловалась до моего возвращения. Ты меня понял? Вернусь — спрошу с тебя по всей строгости!

УЛЬГИМАТУМ КРУПНОГО КАЛИБРА

— Смотри не обмани, — улыбаясь, сказала Милана.

— Как можно! — с напускным негодованием произнес Терко. — Я — человек серьезный и ответственный. И притом — красивый парень. Даже — в этой селянской кацавейке. Так что ты жди. И помолись за красивого парня Вука Илича. Чтобы, значит, я непременно вернулся. А то ведь так и останешься незамужней!

С тем Степан и шагнул за порог. В городе уже стемнело, тут и там зажглись редкие фонари. Пока Терко говорил Милане прощальные речи, кто-то из его товарищей уже успел остановить среди белградских вечерних улиц повозку, запряженную двумя лошадьми. Дядька-извозчик неподвижно сидел на козлах и ждал дальнейших распоряжений.

— Где тебя носит? — возмутился Богданов. — О порог запнулся, что ли?

— Скорее, о Милану, — хохотнул кто-то из бойцов.

— Садись в карету, поехали! — скомандовал Богданов.

ГЛАВА 4

До Тегеля спецгруппа «Дон» добралась без всяких происшествий. Да и в самом Тегеле при посадке из самолета никаких приключений не случилось. Документы были в порядке, внешний вид и поведение их обладателей также не вызвали подозрений. Семеро спецназовцев ничем не отличались от других таких же горемык, на последние гроши прибывших в Западную Германию, надеясь найти здесь работу и заработать денег.

Теперь из Тегеля им нужно было добраться до Темпельхофа. Именно этот городок, а вернее, расположенный близ него военный аэродром, являлся конечным пунктом их путешествия. А уж там... Впрочем, по поводу этого самого «там» они сейчас почти не думали. Они действовали по принципу «приедем — разберемся». И это был правильный принцип, это был профессиональный принцип. Не следует спецназовцу ломать голову над тем, что будет «там». Потому что «там» могло быть все что угодно, и угадать, что именно тебя ожидает, было почти невозможно. А коль так, то и незачем

ломать себе голову в бесплодных фантазиях. Все равно эти фантазии почти никак не будут походить на реальность. Реальная жизнь — она всегда богаче и непредсказуемее, чем самая богатая, самая утонченная фантазия. Ты думаешь «так», а на самом деле выходит «этак».

До Темпельхофа они добрались на поезде, смешавшись с толпой других искателей жар-птицы в чужих краях. А может, даже не самой жар-птицы, а лишь одного ее перышка. Или даже и не перышка, а слабого отблеска этого перышка, которое неуловимая жар-птица, пролетая, уронила, и кто-то, более счастливый и удачливый, успел его подобрать, но еще остался от манящего перышка слабый, неверный отблеск.

Судя по одежде, внешнему виду и языку, искателями этого самого перышка были люди из разных стран, некоторые — так и вовсе издалека, скорее всего, из самой Африки или, может, такой же далекой Азии. Ну, а что? Война давно закончилась, и каждый имел право и гипотетическую возможность пуститься вслед за вышеупомянутой мифической жар-птицей. Лишь бы у тебя были в порядке документы, а там — поступай как знаешь. Кати хоть в Темпельхоф, хоть до самого Берлина. Везде для тебя найдется работа в полуразрушенной, не успевшей еще восстановиться после войны Германии. Лучше, конечно, если это будет Западная Германия — здесь, говорят, платили больше.

Смешаться с народом — для спецгруппы «Дон» это был наилучший вариант. Кто тебя увидит в толпе, кто обратит на тебя внимание? Особенно если ты — такой же, как и все. Такая же у тебя одежда, такая же физиономия, такое же поведение — пристально-настороженное, такой же взгляд, такая же щетина на лице... Смешаться с толпой — самая лучшая маскировка. Это — наипервейшие азы любого разведчика и любого спецназовца.

Впрочем, все это была теория, а практика — на то она и практика, чтобы противоречить теории. Когда все семеро ступили на перрон вокзала в Темпельхофе, к ним неожиданно подошли четверо вооруженных людей. Судя по форме, это были американцы — скорее всего, обычный военный патруль.

Почему они подошли именно к Богданову и его подчиненным, а не к кому-то другому? Да кто же его знает, почему? Возможно, группа из семерых крепких мужчин их чем-то насторожила. Или, может, патрульные вспомнили о своих прямых обязанностях — выявлять на вокзале лиц, которые покажутся им подозрительными. В общем, это было неважно. Важно было именно то, что солдаты, держа оружие на изготовку, быстрым шагом приблизились к спецназовцам.

Один из них, должно быть старший, сделал повелительный жест — остановитесь, мол, и замрите. Наши остановились и как бы непроизвольно выстроились в боевой порядок — что-

бы в случае чего можно было оказать сопротивление патрулю: напасть на солдат, разоружить их и вместе с тем защитить друг друга. То, что они легко справятся с четырьмя патрульными, — у самих спецназовцев не вызывало никакого сомнения. Семеро тренированных людей против четверых ничего не ожидающих солдат — это просто смешная арифметика. «Детская арифметика» — как любил выражаться в таких случаях Степан Терко. И что с того, что солдаты были вооружены, а спецназовцы — безоружные? Оружием еще надо успеть воспользоваться. А патрульные — не успели бы... У спецназовцев в таких делах был огромный опыт. Сколько таких вот случаев у них было в их нелегкой службе? Не перечать. Ну, добавится к тем случаям еще один — только и всего. Эти четверо юнцов, стоящих напротив и лениво перекатывающих во рту неизменную жевательную резинку, — они никак не могли быть серьезными противниками для семерых сотрудников спецназа. Действительно — детская арифметика.

Другое дело, что такое приключение для спецгруппы «Дон» было крайне нежелательным. Ну, скрутят они этих четверых юнцов, ну, испортят им оружие, чтобы они не могли стрелять, — а дальше-то что? А дальше — начнутся всяческие неприятности. Рано или поздно поднимется тревога, шум, гам, американцы вместе с немецкими солдатами и полицейскими утратят бдительность, начнут проверять всех и каждого,

перекроют все пути-дороги, может, придумают что-нибудь еще... А все это вместе затруднит спецназовцам выполнение их задачи. Значит, нужно постараться всеми силами избежать каких бы то ни было недоразумений с так некстати подвернувшимся американским патрулем.

Тем временем старший патруля сделал характерный жест, будто листает документ, и требовательно протянул руку. Жест не подразумевал никакого перевода и никаких дополнительных пояснений. Неторопливо и неловко, как и подобает растерянным селянам, наши полезли во внутренние карманы за документами. Первым документ протянул Богданов. Он, да и все остальные, надеялись, что этого вполне хватит. Полистает, дескать, патрульный документ и вернет его обратно. Ну а как может быть иначе? Какие такие подозрения может вызвать группа испуганных селян-сербов? Вон сколько их сует по перрону — и тех, кто прибыл из Югославии, и тех, кто приехал из иных краев и стран...

Но отчего-то старшего патруля не устроил один-единственный документ. Он небрежно его пролистал, сунул в карман и опять сделал тот же самый жест, но уже для всех остальных — мол, и вы предъявите, что у вас есть. Делать было нечего — все по очереди стали отдавать старшему патруля свои документы. Он их даже не посмотрел, а сунул все разом в карман и опять сделал понятный жест рукой, означавший, что всем сербам необходимо следовать за ним.

Куда, зачем? Полиглот Павленко, успевший за время краткого пребывания в Белграде выучить несколько самых ходовых фраз на сербском языке, попытался затеять разговор со старшим патруля. Но тот лишь нетерпеливо и раздраженно махнул рукой, показывая, что ни в какие разговоры он вступать не намерен и никаких объяснений давать не желает.

И это было скверно. Это было так плохо, что не сказать как. У спецгруппы «Дон» не было лишнего времени, чтобы идти неизвестно куда и непонятно зачем в сопровождении американского патруля. Им нужно было выполнять задание — время поджимало. Оставалось лишь одно — избавиться от четверых американских солдат. Сделать это было проще простого, но вместе с тем прямо посреди перрона этого делать было нельзя. Нужно было выбрать удобное место, а уж там...

Старший патруля опять сделал знак рукой, и все пошли. Сам старший еще с одним солдатом шел впереди, еще двое солдат — сзади, а посредине гурьбой тяжелым крестьянским шагом шествовали семеро русских.

Они прошли по перрону, затем свернули за угол огромного здания вокзала. Впереди, шагах в пятидесяти, виднелось широкое пространство — должно быть, привокзальная площадь. Но чтобы до нее дойти, нужно было миновать какие-то развалины, вернее, даже не развалины, а нагромождение всяческого строительного

мусора: битого кирпича, обломков досок, искореженного железа... Может быть, весь этот сор оставался еще со времен войны, возможно, власти затеяли ремонт или расчищали площадку под новое строительство...

Все это было неважно, важно было другое. Эти безлюдные короткие метры были идеальным местом, чтобы избавиться от вооруженного патруля.

Все дальнейшее произошло мгновенно. Богданов коротко свистнул и тотчас же бросился на старшего патруля. На второго патрульного бросился Павленко. С двумя солдатами, которые шли сзади, вступили в схватку Дубко и Еремин. Спустя какие-то мгновения все четверо патрульных были обезврежены. Разумеется, никто их не убивал, в этом не было необходимости. А просто — мастерскими короткими ударами в нужные места солдаты были лишены сознания. После таких ударов прийти в себя они должны были не раньше чем через два часа. Этого было вполне достаточно, чтобы спецназовцы могли добраться до нужного им места в городе и приступить к непосредственному выполнению задания.

— Ну вот, как всегда! — негромко произнес Терко. — Всю работу выполнили другие! А мне не дали даже размяться! Полное безобразие!

— Найдется работа и для тебя! — коротко ответил Богданов. — Ну-ка, подняли!

Они перетаскивали неподвижных солдат за кучи строительного мусора, выдернули из их брюк